

П. Т. Петриков

**ОЧЕРКИ
НОВЕЙШЕЙ
ИСТОРИОГРАФИИ
БЕЛАРУСИ**

(1990-е начало 2000-х годов)

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт истории

П. Т. Петриков

ОЧЕРКИ
НОВЕЙШЕЙ
ИСТОРИОГРАФИИ
БЕЛАРУСИ

(1990-е – начало 2000-х годов)

Минск
«Белорусская наука»
2007

УДК 930(476)
ББК 63(4 Бел)
П29

Р е ц е н з е н т ы:

доктор исторических наук, профессор П. Ф. Лысенко,
доктор исторических наук, профессор Н. С. Сташкевич,
доктор исторических наук Г. В. Корзенко

Петриков, П. Т.

П29   Очерки новейшей историографии Беларуси (1990-е — начало 2000-х годов) / П. Т. Петриков. — Минск : Беларус. наука, 2007. — 292 с.
ISBN 978-985-08-0801-1.

В книге дана авторская оценка достоинств, недостатков и фальсификаций в работах историков Беларуси, изданных в 1990-х — начале 2000-х годов. Основное внимание уделено достоверности так называемых «новых подходов» историков к таким ключевым блокам и проблемам нашей истории, как положение Полоцкого княжества в Древней Руси, «белорусскость» Великого княжества Литовского, «русификация» белорусов в Российской империи и Советском Союзе, искажение и замалчивание исторических достижений БССР.

Рассчитана на ученых, учителей, работников общественно-политических структур и социально-культурных учреждений, студентов. Окажется полезной для всех, кого интересует история Беларуси.

УДК 930(476)
ББК 63(4 Бел)

© Петриков П. Т., 2007
© Оформление. РУП «Издательский дом «Белорусская наука», 2007

ISBN 978-985-08-0801-1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Историческая наука призвана изучать и анализировать все сферы жизнедеятельности общества. Поэтому она многофункциональна и всеобъемлюща по сравнению с другими отраслями знаний социальных и естественных наук. Одной из важнейших ее функций является политико-идеологическая. Базируясь на развитии экономического и духовно-культурного фундамента общественных отношений, историческая наука тесно вплетается в политико-государственные начала и структурное взаимодействие как государственных, так и самостоятельных объединений граждан, народов и стран.

В исследованиях историки всегда отражали идеологические основы и политику своих государств, народов, проживавших в полиэтничных государствах, их социально-экономические и сословно-имущественные интересы и взаимоотношения. Поэтому классовое содержание исторической науки устранить невозможно. Немецкий ученый-материалист Людвиг Фейербах как-то заметил, что во дворцах мыслят иначе, чем в хижинах. Известный советский историк Николай Михайлович Покровский утверждал: «История есть политика, опрокинутая в прошлое».

Конечно, нельзя всю историю сводить только к классовым взаимоотношениям. Есть и другие отношения, которые отражают интересы, особенно в критических ситуациях, всех классов и социальных групп. Так было, например, в Отечественную войну 1812 г., при подготовке и реализации реформы 1861 г., во Вторую мировую войну, а теперь — согласие всех государств о необходимости борьбы с международным терроризмом.

Летописец Нестор, как известно, не скрывал своих симпатий к великокняжеской власти и осуждал местный княжеский сепаратизм (кстати, к этой «болезни» был очень причастен полоцкий Всеслав Чародей). Другие сочиняли панегирик «Похвала Витовту», а российский историк Н. М. Карамзин свой капитальный труд посвятил «Его императорскому величеству Александру I». Восхваляли историки царей, других правителей, теперь восхваляют глобализм общечеловеческих ценностей, прав человека (заметьте, права государств и народов в этом лексиконе отсутствуют), либеральную и еще бог весть какую демократию.

Попытки некоторых современных историков отказаться от классового содержания исторических реалий могут вызывать только иронию. Все заключается в соотношении меры, материальных и духовных начал в обществе, его классовой структуры.

Поскольку в классовом обществе государство оказывает решающее влияние на формирование политических, идеологических, экономических, культурных и иных отношений, постольку становление, развитие и смена форм государственного правления оказывает существенное ретроспективное влияние на периодизацию истории народов, концепцию их развития с учетом современных представлений и знаний о жизни предшествующих поколений. Поэтому мнения некоторых белорусских историков в 1990-х — начале 2000-х годов о «деполитизации, департизации и деидеологизации» исторической науки не имеют под собой научной основы и не могут отражать объективный политизированный процесс истории белорусского народа.

Это в полной мере относится и к характеристике переживаемого ныне периода, когда на смену государственности в форме Советов пришла суверенная и независимая Республика Беларусь. Смена политической системы в нашей стране положила начало существенным изменениям в жизни государственных и общественных структур, экономических, культурных, научных и других отношений в обществе. В это время значительно расширились возможности использования источниковой базы, в том числе архивной, началась свободная трактовка различных

идей и концепций в научной деятельности историков. Хотя и здесь не удалось избежать перекосов: демократизация породила стремление некоторых историков подменить научные исследования наукообразными мнениями «борьбы» белорусского народа за свою независимость от России, будто бы исконной исторической приверженности «белорусских земель» только к западным ценностям.

В 1991 г. Советский Союз потерпел окончательное поражение в «холодной войне», начатой США в 1946 г. после выступления в американском городе Фултоне бывшего премьер-министра Англии Уинстона Черчилля. Внешние и внутренние враги СССР одержали победу, по их утверждениям, над тоталитаризмом советской командно-административной системы, сталинской диктатурой и т. д. В процессе развала и антиконституционной ликвидации СССР в 1991 г. в Беловежской пуще входившие в него союзные республики, в том числе и БССР, стали независимыми и суверенными государствами. На новом витке истории БССР была переименована в Республику Беларусь. С ее участием было образовано новое межгосударственное объединение — Содружество Независимых Государств (СНГ).

Так, могучая, вторая после США сверхдержава мира была расчленена на части «независимых» демократических государств. В них начался демонтаж социализма, приватизация огромных общенародных богатств, которые со сказочной быстротой переходили в частную собственность элиты победителей.

В этих непростых, после БССР, условиях оказалась и историческая наука Беларуси, ученые-историки. На их работу в первой половине 1990-х годов негативное влияние оказало сокращение финансирования, а вслед за этим обвал информационного обеспечения исследований. По существу прекратилось поступление в библиотеки научной, прежде всего зарубежной, периодики, сократились расходы на научные командировки и т. д. Но главное — историки оказались в свободном научном плавании: вместе с разрушением СССР и господствовавшей в нем марксистско-ленинской идеологией началась «перестройка» концеп-

туально-теоретических и научно-методологических основ отечественной исторической науки.

Некоторые историки приступили к ней с большой охотой. В начале 1990-х годов они открыто стали отказываться от своих прежних взглядов на историю белорусского народа и переходить на «новые подходы» ее освещения. Эта «творческая», как они сами себя называли, группа историков заняла главное, определяющее и основное место на историческом поле Беларуси. В большинстве ее составили историки среднего поколения. Были и маститые представители советской школы. Они настойчиво формировали новое поколение историков, как говорят, по образу и подобию своему.

К ним следует отнести, на наш взгляд, бывшего директора Института истории АН БССР и бывшего директора Института истории партии при ЦК КПБ академика И. М. Игнатенко, бывшего ученого секретаря Института истории партии при ЦК КПБ, с 1988 г. директора Института истории Академии наук Беларуси, члена-корреспондента (с 1996 г. академика) М. П. Костюка, заместителя директора Института истории по научной работе, доктора исторических наук, профессора М. О. Бича, сменившего его на этой должности доктора исторических наук, профессора В. И. Новицкого, ученого секретаря института, кандидата исторических наук М. К. Кошелева, заведующих отделами института доктора исторических наук, профессора Г. В. Штыхова, кандидатов исторических наук С. В. Тарасова, П. О. Лойко, В. В. Григорьеву, заведующих кафедрами высших учебных заведений докторов исторических наук, профессоров А. П. Грицкевича, А. М. Лютого, В. Н. Сидорцова, В. М. Фомина, бывшего директора Института истории партии при ЦК КПБ, доктора исторических наук, профессора Р. П. Платонова, бывшего главного редактора Белорусской энциклопедии имени Петруся Бровки, доктора исторических наук, профессора М. А. Ткачева, лидера Белорусского народного фронта, кандидата искусствоведения З. С. Позняка и др.

Используя не только научный, но административный и общественно-политический ресурс, ученые этого направ-

ления начали активно искать новые подходы к переоценке и оценке исторического ландшафта Беларуси. Отказавшись при этом от своих же собственных оценок, выводов и обобщений прежних лет, т. е. того вклада в историческую науку, за который получали ученые степени и высокие научные звания.

В тех условиях у них, естественно, появились и ученики-последователи. Некоторые из них прямо-таки с самозабвением начали создавать «настоящую» историю. Среди них можно назвать Н. И. Ермоловича, М. М. Чернявского, Г. Н. Сагановича, А. А. Жлутку, Л. М. Лыча, А. С. Короля, Т. С. Процько, Н. И. Стужинскую, С. С. Рудовича, З. В. Шибеку, историка-писателя В. А. Орлова и др.

Благодаря активным усилиям ученых этого направления в белорусской историографии началась фронтальная подготовка трудов «нового поколения». Главным их содержанием стал отказ от некоторых ключевых достижений советской историографии. Их опровержение было поставлено с размахом прежде всего в трех основных блоках исторической науки начала 1990-х годов: школьных и вузовских учебниках, коллективном труде «Нарысы гісторыі Беларусі» в двух частях, изданных в 1994—1995 гг., и первых двух томах «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі». Кроме этого, готовились, естественно, монографии, печатались многочисленные статьи в журналах и на страницах периодической печати.

Какие же догмы советской историографии Беларуси подверглись остракизму в первую очередь? Во-первых, начался отказ от ее научно-теоретического фундамента — марксистско-ленинской методологии. Поэтому второпях начались поиски новых теоретико-гносеологических «кирпичей» для закладки в основание белорусской исторической науки. У некоторых ученых данного направления появились соображения о необходимости формирования методологии истории Беларуси на общечеловеческих ценностях, правах человека, общеевропейского дома, национально-государственном, цивилизационном, модернистском, постмодернистском, деидеологизированном, деполитизированном и других основаниях. Из этой «каши»

чего-нибудь путного пока не получилось. И, смеем уверить, не получится. Винегрет, как известно, хорошее блюдо, но полноценного обеда заменить не может.

Но если нет хорошего фундамента, то в здании неизбежны перекосы и трещины. Это произошло в «Нарысах гісторыі Беларусі» при попытке заменить формационно-диалектическую периодизацию на отдельные формации, войны между ВКЛ и Московским государством, революции, жизни людей «под знаменем построения социализма». То есть социализма как первой или низшей ступени коммунистической формации в СССР и БССР не было, а было только его знамя, так сказать, пурпурный символ. Но закладывать символы в основу периодизации жизни общества — занятие популистов, а не ученых.

В научно-концептуальном содержании истории Беларуси эти ученые подвергли переоценке важнейшие судьбоносные вехи или ключевые ее проблемы. Обратим внимание на некоторые из них. Так, в противовес советской историографии, отдававшей приоритет событиям и фактам единства, сотрудничества и дружбы между народами, в «Нарысах гісторыі Беларусі» в двух частях, «100 пытаннях і адказах з гісторыі Беларусі» (Мн., 1997), «150 пытаннях і адказах з гісторыі Беларусі» (Вільня, 2002), других работах на исторический пьедестал был поднят тезис отрицания зависимости княжеской власти в Полоцке от великокняжеской власти в Киеве. Основой княжеской государственности была объявлена не созидательная деятельность полоцких князей, а их сепаратистские разрушительные для Древнерусского государства акции. Несуществующей в Киевской Руси объявлена и древнерусская народность.

Политическая конъюнктура таких новаций приводит в заблуждение только доверчивых людей. Цель этих новых подходов заключается в том, что противники научной концепции восточнославянского единства стремятся подрубить глубинные корни Древней Руси, размыть ее истоки, чтобы легче было затем посеять вражду между Россией, Беларусью и Украиной. Осуществляя эту цель, авторы названных выше работ и школьных учебников фактически выбросили из истории Беларуси Киевскую

Русь. Изначально и наше, белорусов, восточнославянское государство.

Антирусской трансформации подверглись взаимоотношения ВКЛ и Московского государства. После «тяжбы» Полоцка с Киевом такое изложение нашей истории преследует будто бы негативное отношение наших предков к «маскалям» и русским оккупантам «белорусских земель» Великого княжества Литовского. При этом замалчивается, что кроме добровольного вхождения древнерусских земель в состав ВКЛ его великие князья (вспомним Ольгерда и Витовта) огнем и мечом захватывали и опустошали земли Московского государства. Великая Русь, окрепнув, начала возвращать себе ранее утерянное, но на страницах ряда работ 1990-х годов по истории Беларуси это трактуется как антибелорусская имперская и агрессивная политика Москвы.

Более того, Великое княжество Литовское и Русское объявляется Белорусско-Литовской и даже Белорусской державой. Однако никому не дано право менять официальное название любой организации, тем более — государства. Это во-первых. А во-вторых, в понятие «Русское» входили не только белорусские, но также украинские и великорусские земли. Причем вместе взятые они преобладали в ВКЛ как в территориальном, так и в хозяйственном отношении над белорусскими землями. В политическом смысле и белорусский, и украинский, и русский факторы в ВКЛ имели по отношению к его великокняжеской власти зависимое, подчиненное положение. Поэтому методологическая установка только на белорусскость ВКЛ, характеристику его только как Белорусского (с прописной буквы) или Белорусско-Литовского государства имеет под собой не научное, а конъюнктурно-политическое основание.

Освободительная война украинского и белорусского народов против польско-католического угнетения под руководством Богдана Хмельницкого одним росчерком пера была заменена на антифеодальную, по мнению других — казацко-крестьянскую войну. Замалчивается при этом стремление белорусского и украинского народов воссоединиться с русским народом, стать под защиту православной

России. Поэтому ничего не говорится о целях казацко-крестьянской или антифеодальной войны: во имя чего же боролись и гибли тысячи и десятки тысяч украинцев и белорусов? Без ответа на этот вопрос подмена освободительной войны только на антифеодальную или казацко-крестьянскую является всего лишь субъективным мнением. Нельзя забывать такой важный исторический факт, как Переяславская рада на Украине.

После низвержения названных методологических основ советской историографии (в создании которых, кстати, участвовали и некоторые нынешние историки-«новаторы») критика была, естественно, направлена против судьбоносного для исторического выживания белорусского этноса воссоединения с русским православным народом в едином Российском государстве в ходе разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. Само понятие «воссоединение» было отвергнуто некоторыми нашими учеными-историками. Его заменили «присоединением», «захватом» и «оккупацией» Беларуси Россией. Но поскольку присоединять один народ к другому в науке как-то не принято, то под воздействием критики стали «присоединять» к России «земли Беларуси», а не ее народ. Концепция же «воссоединения» этой группой историков продолжает отвергаться полностью.

Вопреки своей воле белорусский народ, по мысли противников «воссоединения», оказался в имперской и деспотической России. Что она могла дать белорусскому народу? Конечно же, опять-таки по их мнению, ничего, кроме русификации. Поэтому на страницах многих изданий 1990-х годов и начала XXI в. стали часто появляться термины «насильственная», «тотальная», «жестокая» русификация белорусского народа. О том, что Россия приняла Беларусь в конце XVIII в. практически без белорусской национальной интеллигенции, без белорусского литературного языка, без белорусских школ, без белорусских учителей, без единой книги, которая издавалась бы к этому времени на белорусском языке, об этом — ни слова.

И так навредила нам, белорусам, эта русификация, что к концу XIX в. был заново создан белорусский литератур-

ный язык, а в 1900—1917 гг. было издано около 200 наименований книг на белорусском языке общим тиражом около 300 тыс. экземпляров. Появились белорусские школы, учителя и учебники. Возможно, это было в Речи Посполитой? Нет, невозможно. Там белорусский этнос окончательно угасал. Возродился же «насильно русифицированным» в братской России. Об этом никак нельзя забывать тем, кто настойчиво, прежде всего в политических целях, эксплуатирует тему русификации нашего народа в условиях Российской империи и Советского Союза.

С «новаторских» позиций пересмотрена и пересматривается история Советской Беларуси. Начали эту работу те, кто ранее активно восхвалял деятельность КПСС — КПБ и Советского государства. Затем постепенно в нее включились многие историки нового поколения. При этом необходимо отметить одну характерную особенность. Ученые, занимавшие видное положение в белорусской советской исторической науке, в одночасье изменили свои прежние взгляды и поменяли плюсы на минусы. Причем ни один из них не посчитал нужным заняться самокритикой своих прежних выводов и обобщений. Ссылки же на новые архивные материалы, якобы перевернувшие их прежние методологические устои, не всегда убедительны.

Некоторые авторы, особенно активисты Белорусского народного фронта (БНФ), стали открыто заявлять о необходимости покаяния и общественного суда над КПСС — КПБ, преследования коммунистов за их якобы антинародную деятельность. На страницах коллективных трудов и монографий отдельные историки стали писать, что будто бы В. И. Ленин пренебрежительно относился к объективным предпосылкам социалистической революции, даже сомневался, что в России произошла такая революция. До этого они восхваляли труды и деятельность основателя большевистской партии и Советского государства. В новых же общественно-политических условиях стали писать «совсем наоборот».

Понятие «Великая Октябрьская социалистическая революция» было заменено вначале на «Октябрьскую социалистическую революцию», ее величие для России и мира

исчезло. Затем — только на «Октябрьскую революцию в Белоруссии», устранив ее социалистическое содержание. Затем — на «октябрьские события». В 2002 г. появляется публикация, в которой утверждается, что в Беларуси не было не только социалистической, но и вообще революции. Что же было? А был только «супраціў уладзе чужынцаў». Так пишет Н. И. Стужинская, защитившая кандидатскую диссертацию на тему об историографии «Великой Октябрьской социалистической революции в Белоруссии». Это — весьма характерный пример замены «плюса» на «минус» в собственном изложении.

Таким же образом стала трактоваться история Гражданской войны. Ранее писали о триумфальных победах Красной Армии. В середине же 1990-х годов пришли к выводу, что победа Красной Армии в Гражданской войне «не соответствует действительности». Читателей стали убеждать в том, что Гражданскую войну развязали большевики и Советская власть, а не объединенные силы внутренней и внешней антисоветской контрреволюции. Политику «военного коммунизма» стали преподносить уже без кавычек, подводя читателя к мысли, что это была не временная мера власти Советов в условиях Гражданской войны, а суть политики большевистского руководства, которое с самого начала захвата власти приступило к строительству новой жизни военно-командными методами. При этом стали «забывать» утверждение В. И. Ленина, что «НЭП — это наша старая политика», осуществлению которой мешала Гражданская война.

Некоторые специалисты по коллективизации в СССР и БССР, ранее писавшие, что даже трудодень был показателем социалистической ценности колхозной жизни, теперь стали писать только о насилии над всеми категориями крестьян, «раскрестьянивании» их в ходе коллективизации. При этом настолько потеряли чувство меры, что даже в школьных учебниках начали сравнивать коллективизацию с крепостным правом. Правда, огульной «научной» критики коллективных хозяйств заметно поубавилось к концу 1990-х годов, когда стало ясно, что коллективная форма ведения сельского хозяйства в Республике

Беларусь продолжает успешно занимать господствующее положение в сельскохозяйственном производстве.

Некоторые писатели и журналисты, а также историки стали высказывать мнение о том, что в развязывании Великой Отечественной войны повинна не фашистская Германия, а «оба тоталитарных режима — гитлеровский и сталинский». Бесчеловечные карательные акции немецко-фашистских захватчиков против мирных жителей белорусских деревень и сел, их тактику выжженной земли на оккупированных территориях стали преподносить как акты возмездия против спецотрядов НКВД, наносивших удары по немцам. Т. С. Протько заявила, что зверства фашистских карателей на белорусской земле были якобы ответными акциями на «провокации» спецподразделений НКВД, в том числе под руководством Героев Советского Союза К. П. Орловского и С. А. Ваупшасова. При этом белорусские коллаборационисты радели, дескать, за возрождение белорусскости и белорусской государственности в «хаўрусе» с гитлеровским «новым порядком».

Говоря о послевоенном периоде истории Белорусской ССР, начали преуменьшать огромные достижения белорусского народа в развитии промышленности, сельского хозяйства, культуры и науки. Особый упор делался при этом на «снижение темпов» экономического развития. Из этой важной, но не главной посылки делался ложный вывод, что уже к концу 1980-х годов в БССР, как и в СССР в целом, назревал экономический кризис, который и привел к развалу и ликвидации Советского Союза. Но статистические данные не подтверждают этого. Наоборот, они свидетельствуют о динамичном и устойчивом развитии БССР до конца 1980-х годов.

Некоторые историки стали отрицать факт суверенности и независимости БССР. При этом отрицают и факт добровольного вхождения и нахождения БССР в составе СССР, передачу в ведение союзного государства некоторых своих суверенных прав, прежде всего внешней и экономической политики, обороны, финансов, путей сообщения и связи. Но делалось это в то время не вопреки, а в интересах каждой из республик советского сообщест-

ва. Такая практика была, есть и будет не только в нашей, но и в мировой истории. Об этом свидетельствует существование военно-политического блока НАТО, расширяющегося Евросоюза, других объединений, члены которых «жертвуют» своими суверенными правами во имя общих интересов. Так было и с БССР в составе Советского Союза.

Теперь Республика Беларусь инициирует создание Союзного государства с Россией, является членом Евро-Азиатского экономического союза, других организаций. При этом будет, естественно, ограничение некоторых политических, экономических, таможенных и других прав. Но происходить это будет как в межгосударственных интересах, так и в интересах суверенности и независимости каждого из участников таких союзов и объединений. Что было в свое время характерно и для истории БССР.

Сторонники новых подходов к освещению истории Беларуси преследовали не только научные, но и практические цели. Они закладывали в историческую память граждан Республики Беларусь новые стереотипы, удобные и выгодные общественно-политическим силам, прежде всего прозападной и антироссийской ориентации.

По Конституции 1994 г. в Республике Беларусь была введена президентская форма правления. Первым Президентом Республики Беларусь на альтернативной основе был избран известный политик, депутат Верховного Совета Республики Беларусь А. Г. Лукашенко. Под его руководством начался трудный, но в целом успешный процесс вывода Беларуси из системного кризиса. В конце XX — начале XXI в. были восстановлены стартовые экономические достижения БССР 1990 г. Республика снова стала занимать достойное место среди развитых государств мира.

Одновременно шел процесс развития других демократических институтов: сформировалась многопартийность, больше стало различных общественных, культурных, религиозных и других объединений, формирующих гражданское общество. Появилось много новых газет и журналов. Была упразднена государственная цензура. Из различных партий и объединений сформировалась политическая оппозиция демократически избираемой власти. Она стала по-

лучать не только моральную, но и материально-техническую поддержку как своих, так и зарубежных противников внутренней и внешней политики суверенного государства во главе с Президентом А. Г. Лукашенко.

С отмеченными выше и другими «оппозиционными» подходами к советской историографии не соглашалась часть историков, особенно старшего поколения. Они продолжали отстаивать научные положения советской историографии, обобщенные в коллективных трудах «Гісторыя Беларускай ССР» в 5 томах, «История рабочего класса БССР» в 4 томах, «Всенародная борьба белорусского народа против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» в 3 томах, других изданиях. Среди историков этого традиционного направления, продолжавших развитие белорусской исторической науки и защищавших ее от искажений, а нередко и прямых фальсификаций, можно назвать членов-корреспондентов АН БССР (ныне Национальной академии наук Беларуси), докторов исторических наук, профессоров В. К. Бондарчика, И. Е. Марченко, П. Т. Петрикова, М. Ф. Пилипенко, докторов исторических наук, профессоров А. И. Залесского, И. В. Аржеховского, Э. М. Загоруйского, П. Ф. Лысенко, Г. Я. Голенченко, И. П. Креня, А. А. Коваленю, В. А. Круталевича, В. Ф. Ладысева, В. К. Коршука, В. И. Лемешонка, Е. К. Новика, А. М. Малашко, П. И. Бригадина, В. А. Мельника, В. Н. Михнюка, А. Н. Мацко, А. Н. Нечухрина, В. П. Панютяча, В. А. Полуяна и И. В. Полуяна, Н. С. Сташкевича, А. А. Филимонова, А. Г. Хохлова и др.

В силу законов саморазвития исторической науки и новых общественно-научных возможностей ученые этого направления открывали новые страницы нашей истории, уточняли или доказательно отказывались от некоторых выводов и обобщений советской историографии. В качестве примера можно сослаться на научные труды Э. М. Загоруйского, П. Ф. Лысенко, М. Ф. Пилипенко по изучению славянского этногенеза, нового отношения В. А. Круталевича к истории БНР и БССР, П. Т. Петрикова к оценке реформы 1861 г., места и роли Викентия (Константина) Калиновского в истории Беларуси, отсутствия в России,

в том числе и Беларуси, двоевластия после победы Февральской буржуазной революции и по некоторым другим вопросам. А. А. Коваленя, В. И. Лемешонок, А. М. Литвин и другие ученые освещали новые страницы в истории Великой Отечественной войны. Необходимо отметить также такие коллективные труды, как «Гісторыя Беларусі са старажытных часоў да сучаснасці» в двух частях под редакцией Е. К. Новика и Г. С. Марцуля (Мн., 1998; 2-е изд., 2000), «Белорусы» (М., 1998), «Археалогія Беларусі» в 4 томах (Мн., 1997—2001), «Наука Беларусі в XX столетии» (Мн., 2002, под редакцией Н. А. Борисевича, П. Т. Петрикова и др.) и др. В 1990-х — начале 2000-х годов были изданы работы О. Н. Левко, Г. Я. Голенченко, М. Ф. Спиридонова, В. П. Панютича, В. Н. Черепицы, П. И. Бригадина, П. И. Кобринца, А. И. Залесского, Я. И. Трещенка, А. Н. Нечухрина, И. И. Ковкеля, И. П. Креня, В. А. Мельника, П. Г. Чигрина, А. М. Малашко, Г. В. Корзенко и др.

В условиях концептуально-методологических расхождений двух основных направлений в исторической науке Беларуси готовились новые кадры исследователей. В основном это были молодые ученые, которые в работе над кандидатскими и докторскими диссертациями, монографиями и научными статьями использовали ранее не доступные архивные материалы. Появилась возможность значительно расширить тематику исследований, сделать важные выводы и обобщения. В итоге история Беларуси обогатилась новыми представлениями о ранее не изучавшихся сторонах и процессах, событиях и явлениях многовековой истории белорусского народа и предшествовавших ему исторических общностей.

Эти работы, несмотря на имеющиеся в них отдельные необъективные штампы в угоду «новым подходам», содержат конкретный, научно выверенный материал. Позитивным примером может служить солидный коллективный труд «Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», изданный Институтом истории НАН Беларуси в 2005 г. В нем сохранены важнейшие положения и оценки советской историографии. Одновременно на основе новых, в том числе немецких, архивных документов пока-

заны особенности жизни во время оккупации городского и сельского населения Беларуси, деятельность польской Армии Крайовой, другие стороны борьбы граждан БССР против немецко-фашистских захватчиков.

Формирование научных кадров историков в условиях Республики Беларусь вначале почти полностью находилось под влиянием сторонников «новых подходов» к истории Беларуси. Потому что они в основном руководили аспирантами, планировали тематику и направляли содержание диссертационных исследований в подчиненных им отделах Института истории и на кафедрах вузов. Решающий голос принадлежал им и на ученых советах по защите кандидатских и докторских диссертаций. Этого не могли не учитывать соискатели ученых степеней, а затем и научных званий.

Положение стало постепенно меняться со второй половины 1990-х годов под влиянием государственной политики в отношении обществоведческой, прежде всего исторической, науки. Особая заслуга в этом принадлежит Президенту Республики Беларусь А. Г. Лукашенко. В своих выступлениях Глава государства говорил о необходимости тесных, союзных отношений с братской Россией, использовании в новых реалиях жизни положительного опыта советского периода. Это сыграло решающее значение для конкретной научной критики некоторых базовых положений сторонников новых подходов, их отказа прежде всего от антирусского и антисоветского векторов изложения истории Беларуси. Значительный вклад в этот процесс внесла созданная Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко Комиссия по подготовке учебников и учебных пособий в обществоведческой сфере. Наиболее одиозные претензии на «новое» прочтение нашей истории не получали поддержки и рукописи возвращались авторам на доработку. Такая практика положительно сказывалась на дальнейших научно-исследовательских планах и проектах всего кадрового корпуса историков, в том числе и на подготовке нового поколения исследователей в его структуре.

Кроме отмеченных выше особенностей развития исторической науки Беларуси в конце XX — начале XXI в.,

в предлагаемой читателю книге нашли отражение ее концептуальные и методологические основы, характеристика научной периодики, другие вопросы.

Следует отметить, что советская историография Беларуси накапливала и отражала исторические знания в духе политики и практики Коммунистической партии. В этих конкретно-исторических условиях многое замалчивалось или преподносилось в искаженном виде. Но такая особенность присуща не только историкам Советского Союза, в том числе и БССР. В любом государстве во все времена официальная историография работала и работает на авторитет существующей власти, а не на ее разрушение. Поэтому неразумно отрицать необходимость уточнения, пополнения и даже пересмотра некоторых концептуальных положений своих предшественников. Но на научной, а не на новой конъюнктурно-политической основе.

Мы убеждены, что анализ героической трудовой и ратной истории белорусского народа только через навязанную политиками командно-административную систему, сталинщину, репрессии и т. д. не приближает, а отдаляет от объективной истины. Были и народный подъем, и советская демократия, и самопожертвование во имя светлого будущего во главе с коммунистами. Были и тяжелые периоды на этом тернистом, во враждебном капиталистическом окружении, пути. Долг историков — не бросаться из одной крайности в другую, а спокойно воссоздавать более полную и объективную картину жизни и борьбы ушедших поколений. Подчеркивая при этом, выдвигая на первый план их творческую и созидательную деятельность, а не негативные деяния отдельных личностей и социальных групп.

Объективным барометром дальнейшего развития исторической науки в Беларуси стали, на наш взгляд, конференция историков в Гродно в мае 2002 г. и специальная историографическая конференция в Минске в 2003 г. Изданные по итогам их работы материалы свидетельствуют об обнадеживающих переменах в кадровом корпусе ученых-историков. Подавляющее большинство из них активно окупилось в научную, без политической ангажированнос-

ти, работу и вносит позитивный вклад в историографию Беларуси. Антирусские и антисоветские мотивы в целом стали приглушенными или совсем не слышными. Больше внимания, или основное внимание, уделяется конкретным разработкам, на основе которых делаются научные выводы и обобщения. Это вселяет уверенность в том, что эйфория прозападного конформизма уступает место отечественному прагматизму, своим исконным восточнославянским корням, сотрудничеству и дружбе с соседями Беларуси, прежде всего с Россией.

В целях научного осмысления сложных, нередко противоречивых процессов в исторической науке в Республике Беларусь мы пытались проанализировать как общие достижения, так и наиболее характерные недостатки прежде всего в коллективных обобщающих трудах «нового поколения», которые стали не только основой, но и тормозом для дальнейшего творческого развития исторической науки в Республике Беларусь. Рассматриваются концептуальные направления развития белорусской исторической науки, пути совершенствования и актуализации тематики научно-исследовательских работ, место и роль в творчестве историков научных конференций и симпозиумов. Особое внимание обращено на наиболее характерные, с полемической точки зрения, научные разработки, наличие в них концептуальных и методологических подходов при освещении тех или иных фактов, событий и явлений отечественной истории, соотношения оценок, выводов и обобщений в трудах историков, изданных в БССР и Республике Беларусь.

Автор выражает благодарность рецензентам докторам исторических наук П. Ф. Лысенко, Г. Я. Голенченко, В. П. Панютичу, Н. С. Шашкевичу, Г. В. Корзенко, кандидату исторических наук Н. В. Токареву за критические замечания и полезные советы, научным сотрудникам И. В. Гурьяновой и Ю. В. Зенькович за помощь в подготовке рукописи.

Раздел 1

О КОНЦЕПЦИИ, ПЕРИОДИЗАЦИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Важнейшими компонентами исторической науки являются ее концептуальные и методологические основы. Вначале обратим внимание на различия, относительную схожесть и взаимосвязи понятий **концепция, методология и теория познания (гносеология)**. Эти понятия не изолированы друг от друга, а тесно связаны между собой в процессе развития человеческого мышления о материальном и духовном мире. Однако они нередко употребляются в научной исторической литературе как тождественные, заменяющие друг друга, что не всегда оправданно, а в принципе — неверно.

Концепция есть основная точка зрения, руководящая идея, важнейший принцип для трактовки каких-либо событий и процессов. **Методология** — учение о структуре, методах и средствах достижения Истины. Общая методология научного исследования в марксизме — диалектический и исторический материализм. **Гносеология** изучает закономерности, ступени и формы познания, отношение его к объективной действительности. Критерием познания относительной и абсолютной объективной истины является практика. Теория познания характеризуется двумя основными направлениями — идеализмом и материализмом.

Учитывая соотношения понятий «концепция», «методология» и «гносеология», можно образно охарактеризовать их следующим образом: концепция есть то, **о чем писать**; методология — **как писать**, т. е. как оценивать то или иное событие и явление; теория познания (гносеология) — **на какой основе писать** — материалистической или идеалистической. Историческая наука о Беларуси начала пере-

ходить на материалистические позиции, которые и в настоящее время занимают господствующее положение.

Каковы же основные параметры, основной «набор» событий, основной объект концепции истории Беларуси? О чем, о каких важнейших периодах надлежит писать ученым-историкам? Ответ может быть только один: они должны писать «обо всем», что происходило на территории современной Беларуси с появлением первых людей и до наших дней, с учетом их взаимоотношений с ближними и дальними народами и странами. На такое, казалось бы, очевидное на первый взгляд содержание концепции истории Беларуси необходимо обратить внимание потому, что с 1990-х годов некоторые ученые начали исключать из истории Беларуси 300-летний период нахождения наших княжеств в восточнославянском государстве — Киевской Руси. Основное внимание они сосредоточили при этом на «самостоятельности и независимости» Полоцка от Киева.

Концепция истории Беларуси не есть аморфная и однородная историческая «глыба». Ей присущи внутренние противоречия и этапы, развитие от низших ступеней человеческого общежития к высшим его ступеням. С точки зрения социально-экономической она включает первобытнообщинное устройство жизни людей, феодальные, капиталистические, социалистические, постсоветские, или «рыночные», отношения. С точки зрения общественно-политической — историю родово-племенных обычаев и традиций, Древнерусского государства, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи, историю БССР и вхождение ее в состав СССР, историю Республики Беларусь. С точки зрения цивилизационной — формирование из единой восточнославянской древнерусской народности отдельного белорусского этноса, который является особой цивилизацией, объектом и субъектом мировой истории.

Эти три блока концепции истории Беларуси — социально-экономический, общественно-политический и этноцивилизационный — органически взаимосвязаны между собой и ни один из них не может быть исключен при рас-

смотре́нии не только «сквозной», но также региональной и проблемно-тематической истории нашей страны.

Таким образом, концепция истории Беларуси должна отражать (включать в себя) и учитывать все важнейшие события и явления нашего социально-экономического, общественно-политического и этно-национального (цивилизационного) прошлого в современных границах Республики Беларусь с учетом взаимоотношений с ближними и дальними народами и странами. Другими словами, все важнейшее, наиболее характерное для восточнославянской и белорусской цивилизаций, а также предшествующих им археологических культур должно занять свое место на страницах **Истории Беларуси**.

Определив концептуально, в важнейшем и главном, **о чем писать**, мы тут же сталкиваемся с вопросом, **как писать**, т. е. каким воспользоваться методом, какой методологией, чтобы на основе объективных относительных истин продвигаться на пути познания к истине абсолютной. При этом прежде всего необходимо решить, с каких гносеологических позиций будет изучаться и излагаться история Беларуси — идеалистических или материалистических. К настоящему времени божественные начала, как известно, в теории познания истории Беларуси не используются. Они остаются только в истории религии — части культуры, духовного наследия и сознания нашего народа. Вся наша история изучается теперь с позиций научной методологии — диалектического и исторического материализма (иногда она называется марксистско-ленинской, что не всегда адекватно).

Наиболее универсальным методом и методологией познания объективной действительности является **диалектика** — наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления. Только с учетом возникновения, поэтапного развития и перехода одного явления в другое, одного состояния общества в другое возможно ретроспективное исследование исторического процесса на различных его стадиях.

Чтобы изучить какую-нибудь вещь, событие или явление и проследить внутренне присущие им наиболее харак-

терные черты, взаимосвязи и закономерности, надо разделить, расчленив изучаемый предмет на отдельные его части. **Метод дедукции**, т. е. путь познания от общих посылок и гипотез к истинности отдельного и частного, является одним из важнейших методологических оснований в исторической науке. Он органически связан с **методом индукции** — пути познания от частного к общему.

До начала 1990-х годов белорусы не имели своей особой (отдельной) этно-национальной концепции истории. Почему? Потому что проживали в крупных полиэтничных государственных образованиях, которые назывались Русь (Киевская Русь), Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, Российская империя, Советский Союз. Поскольку «русский» (в будущем для нас — белорусский) этнос являлся органической частью этих государств, пользовался общей (государственной) «кухней» наряду с другими «жильцами», то и концепция истории белорусского народа «вплеталась» составной органической частью в общую историческую концепцию этих полиэтничных государств. Эту особенность необходимо учитывать при рассмотрении исторического существования вначале древнерусской, затем древнебелорусской, белорусской этно-национальной цивилизации на протяжении всей письменной ее истории, длившейся 11 столетий.

Попытки ученых Беларуси в конце XIX — начале XX в. выделить историю белорусского народа в самостоятельный объект изучения имели важное научное и общественно-политическое значение. Однако в условиях отсутствия юридически независимого и суверенного Белорусского государства они ограничивались описанием главным образом политических и этно-культурных аспектов истории белорусского народа. При этом по существу оставался невостребованным такой важный компонент или такая важная сторона исторического прошлого, как история этно-национального государственного строительства Беларуси.

Так, попытки В. У. Ластовского (1883—1938) искать корни белорусскости только в кривичах и заменить в связи с этим название нашего народа на «крыўскі», а «Беларусь» на «Крывію» в научном отношении оказались несостоя-

тельны. В «Кароткай гісторыі Беларусі» (Вильно, 1910), «Гісторыі беларускай (крыўскай) кнігі» (Коўна, 1926), других работах он отстаивал идею, что «і Драўляне, і Дрыгавічы, і Гаране, і Радзімічы, і Вяцічы — адно Крыўскае племя, адзін, як даўней казалі, язык».

Важное значение для историографии Беларуси имеют работы В. М. Игнатовского (1881—1931) «Кароткі нарыс гісторыі Беларусі» (1919), «Гісторыя Беларусі ў XIX — пачатку XX сталецця» (1923), В. И. Пичеты (1878—1947) «Гісторыя Беларусі» (1924) и других ученых, внесших значительный вклад в исследование истории Беларуси. Их труды пронизаны единым концептуальным замыслом — диалектико-материалистическим, точнее — марксистско-ленинским пониманием истории.

В декабре 1917 г. на Всебелорусском съезде часть делегатов впервые всенародно заявила о необходимости создания собственного буржуазно-демократического государства. К этой качественно новой ступени государственного и социально-культурного развития наши предки шли 1000 лет сквозь тернии в Великом княжестве Литовском («мятеж» Михаила Глинского и другие события) и Речи Посполитой, отстаивании права «людьми зваться» в царской России. Этот съезд был полномочным и представительным от всех белорусских губерний для оформления национальной государственной власти на антисоветской основе. В этом прежде всего заключается его историческое значение.

Однако объективно съезд был обречен на неудачу. Во-первых, потому, что собрал «под одной крышей» генерала Алексева и солдата-фронтовика, помещика Скирмунта и безземельного крестьянина, эсера и большевика. Это был общедемократический съезд. Но к этому времени «общая» демократия в России дала глубокую трещину: из нее выделилось социалистическое течение, которое в октябре 1917 г. под руководством большевиков во главе с В. И. Лениным захватило политическую власть. Съезд был обречен на неудачу, во-вторых, потому, что стоял перед дилеммой: признавать или не признавать Советскую власть в Минске и Петрограде? Если признавать, то Беларусь на-

до объявлять Республикой Советов (большевистской), если не признавать, то выступать против уже существовавшей большевистской власти.

В итоге съезд принял соломоново решение: объявил о создании краевого органа власти — Всебелорусского Совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов и признании демократической власти в России.

Конечно, такой «компромисс» был шит белыми нитками и Совет Народных Комиссаров Западной области и фронта немедленно объявил съезд распущенным, не дав возможности еще одной «пчелиной матке» вылететь из государственного улья. Тем не менее сам факт созыва съезда и принятие им пусть только первого пункта постановления о конструировании национально-государственной власти является важным фактором для формирования белорусами своей концепции истории Беларуси.

Следующим общественно-политическим актом на пути к государственной самостоятельности белорусской нации было **провозглашение** в 1918 г. Белорусской Народной Республики (БНР). И хотя БНР в силу ряда причин не стала государством, сам факт провозглашения такого государства отражал крепнущее потенциальное стремление представителей части белорусского народа к государственной независимости.

Его материальным воплощением явилось **создание** в 1919 г. Белорусской Советской Социалистической Республики. БССР стала первым автохтонным государством белорусов. Оно имело все признаки государства. Вхождение БССР в СССР и добровольное в связи с этим ограничение ее суверенитета в условиях довоенного капиталистического окружения, в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период объясняет, но не меняет сути дела с точки зрения научной концепции истории Беларуси. Находясь в Союзе ССР, опираясь на дружбу и сотрудничество всех его народов, БССР в сравнительно короткий исторический срок добилась невиданных ранее достижений в развитии народного хозяйства, культуры и науки, защитила существование белорусской нации в борьбе с фашизмом, вошла в число наиболее развитых госу-

дарств мира и послала своих граждан Петра Климука и Владимира Ковалёнка в Космос.

С середины 80-х годов началась «перестройка» советского общества. Она привела к ликвидации в 1991 г. Советского Союза и образованию вместо бывших союзных республик независимых и суверенных государств, в том числе и Республики Беларусь. Тем самым завершился, после БССР, 1000-летний процесс обретения белорусским народом самостоятельного национально-государственного, экономического и культурного существования. Это событие поставило в повестку дня вопрос и о создании своей, отличной от других, концепции истории Беларуси.

Важнейшей концептуальной и методологической основой процесса изучения и объективного познания истории Беларуси является прежде всего ее научная периодизация. Без вскрытия ее сущности и закономерностей, различных этапов или периодов в развитии общества невозможно и воссоздание «цельной» истории. Как в прошлом, так и в настоящее время существуют различные концептуально-методологические подходы к периодизации истории. Наиболее распространенным был и в основе своей пока остается временной ее принцип: деление истории на древнюю, средневековую, новую и новейшую. Но такой подход, по мнению многих ученых, уже устарел. Средние века отошли в далекое прошлое. А новое время (до 1918 г., окончания Первой мировой войны) перестало уже быть по существу своему новым.

В XIX в. было положено начало, а в XX в. господствующее положение в советской (и не только в советской) исторической науке заняла периодизация всемирно-исторического процесса по общественно-экономическим формациям. Она покоится на способе производства — исторически определенном способе добывания людьми материальных благ, единстве производительных сил и производственных отношений, приоритете базиса по отношению к надстройке, делении общества на классы на определенной ступени развития и, что также весьма важно, на смене форм собственности, наличии богатства и доходов у государства и частных лиц. Другими словами, форма собст-

венности в процессе развития производительных сил и производственных отношений была и остается важнейшей концептуально-методологической основой исторической периодизации.

Периодизация истории Беларуси сложилась по мере накопления научных знаний и перехода к написанию и изданию обобщающих коллективных трудов. Наиболее полно она была изложена в «Истории Белорусской ССР» в 2 томах (1954, 1958; 2-е изд., 1961), «Гісторыі Беларускай ССР» в 5 томах (1972—1975) и «Истории Белорусской ССР» (1977), а также школьных и вузовских учебниках. К середине 1950-х годов периодизация по общественно-экономическим формациям стала безраздельно господствующей во всей нашей исторической литературе. Для характеристики отдельных периодов, при формационном подходе, продолжали использоваться и используются в наше время также понятия «древнейшая история», «средние века», «новое и новейшее время».

В конце 1980-х годов, в процессе разрушения и ликвидации Советского Союза, напористой критики частью историков всего марксистско-ленинского и коммунистически-советского наследия начались попытки формирования новой концепции истории Беларуси и ее периодизации. Наиболее полно эти «новые подходы» были реализованы в обобщающем труде «Нарысы гісторыі Беларусі» в 2 частях (1994, 1995) и первых 2 томах «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» (1993, 1994).

В «Нарысах», которые главный научный редактор М. П. Костюк объявил «трудом нового поколения», «неожиданно» исчезла Киевская Русь как государство и важный восточнославянский период в истории непосредственных предков украинцев, белорусов и русских. В этом труде Древней Руси, Древнерусскому государству со столицей в Киеве не отведено не только отдельного раздела или хотя бы главы, но даже отдельного параграфа. И сделано это сознательно, с целью акцента борьбы Полоцка за самостоятельность и независимость от «агрессии» Киева. Этот концептуально-методологический подход понадобился авторам в первую очередь для того, чтобы пока-

затем чуть ли не райскую жизнь белорусов в Великом княжестве Литовском, а потом их невероятные страдания и лишения от «захватнической политики Москвы» и российских оккупантов.

Поэтому в целом периодизация истории в «Нарысах» в концептуальном отношении представляет «окрошку» из различных постулатов: **формационного** (древнее общество, феодальная система, буржуазное общество, власть Советов); **временного** (раннее средневековье, войны и конфликты в середине XVII—XVIII в., период буржуазно-демократических революций 1905—1917 гг., кризис административно-командной системы, трудный путь радикальных преобразований и становление суверенной Республики Беларусь) и **зарубежного**, посвященного белорусской диаспоре.

Такая общая («сквозная») периодизация истории Беларуси не может претендовать на научность, ибо в ней нет главного — единого концептуального основания. Если, к примеру, авторы решили выделить «раннее средневековье», то почему нет «среднего» и «позднего» этапов этого периода? Или почему вдруг выделяется **период буржуазно-демократических революций** 1905—1917 гг.? Тогда логично было бы перед этим выделить **период восстаний** 1794, 1830—1831 и 1863 гг., если за основу брать события революционного движения.

Существенному, и также в целом не научному, пересмотру подверглась «советская» методология трактовки истории Беларуси. Диалектико-материалистическое, марксистско-ленинское ее содержание, по мнению некоторых вчерашних правозащитных марксистов-ленинцев, стало как бы порочным и усиленно убиралось со страниц статей на исторические темы не только журналистов и публицистов, но и работ профессиональных историков.

Так, в 1993 г. директор Института истории НАН Беларуси, член-корреспондент НАН Беларуси (с 1996 г. — академик) М. П. Костюк следующим образом сформулировал содержание новой постсоветской методологии истории Беларуси: «Исследование исторического Отечества должно быть деидеологизировано, деполитизировано и департизировано. Без этих трех «дэ» нельзя отойти от ранее